

© 2018 г.

Академик А. М. ВАСИЛЬЕВ, А. Д. САВАТЕЕВ, К. М. ТРУЕВЦЕВ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ГРАНИ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Васильев Алексей Михайлович — действительный член РАН, почетный президент Института Африки РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» (Москва, Россия).

Саватеев Анатолий Дмитриевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, заместитель директора Филиала Института Африки РАН в СПбГУ, профессор кафедры африканистики и арабистики РУДН (Москва, Россия).

Труевцев Константин Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

Статья публикуется в рамках проекта РНФ «Российская политика на Ближнем и Среднем Востоке: перспективы и пределы сотрудничества со странами региона» (№ 14-18-03615)

DOI: 10.31857/S013038640001415-4

СИРИЯ КАК ЭПИЦЕНТР РЕГИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА. СКЛАДЫВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЛИНИЙ КОНФРОНТАЦИИ (2011—2014 гг.)

В центре современного конфликта на Ближнем Востоке оказались события в Сирии, начавшиеся в 2011 г. и связанные с региональным политическим процессом, первоначально получившим оптимистическое название «арабская весна».

«Арабская весна» охватила большинство арабских стран¹ и привела к радикальным изменениям, выразившимся в свержении существующих режимов в четырех странах — Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Учитывая тот факт, что все эти режимы по вполне авторитарным методам управления, жестким параметрам структуры были более или менее идентичны, а еще два аналогичных режима — в Ираке и Алжире — ранее подверглись либо уничтожению в результате американской оккупации (Ирак), либо существенной эрозии в ходе длительной гражданской войны (Алжир), то многие аналитики предрекали, что и сирийский режим вскоре ожидает подобная участь².

Действительно, усталость от авторитаризма отца и сына Асадов вылилась в массовые выступления, которые проходили в столице и других крупных городах страны с небольшим временным лагом по сравнению с Тунисом и Египтом³.

¹ Об этом подробнее см. Труевцев К. М. Год 2011 — новая демократическая волна? М., 2011.

² Это нашло отражение в целом ряде аналитических материалов. «При слишком жестком подавлении выступлений режим Асада ждет судьба Каддафи... При мягком ответе на протест... режим ждет судьба Туниса», — отмечалось, например, в статье, описывавшей дилемму Асада в начальный период событий. — Хлюстов М. «Арабская весна» в Сирии. Центр стратегических оценок и прогнозов. — 05-10-2013. csef.ru/ru/politika-i-geopolitika/477/arabskaya-vesna-v-sirii-4767

³ Антиправительственные демонстрации начались в Дамаске 26 января 2011 г., т.е. на следующий день после событий на площади ат-Тахрир в Каире. См. Шишкина А. Сирия: секреты стойкости режима. — Арабский мир после «арабской весны». Отв. ред. А. В. Коротаев. М., 2012, с. 336.

Основные требования оппозиции включали отмену действовавшего с 1962 г. режима чрезвычайного положения, отставку президента Башара Асада и проведение в стране демократических преобразований.

Ситуация обострилась в марте 2011 г., после ошибочных действий сирийского руководства — непропорционального применения силы против тогда еще мирных демонстраций⁴, что в конце марта спровоцировало восстание в г. Дарья, близ границы с Иорданией. Именно с этого времени фактически и началась гражданская война, охватившая значительную часть страны. Но если повстанцы начинали войну в надежде на создание демократических основ, то сторонники ИГИЛ и «Аль-Каиды», многие из которых являются иностранными наемниками, стремились установить в стране исламистский режим на основе законов шариата.

С самого начала описываемых событий политический процесс в Сирии развивался несколько иначе, чем в других арабских государствах: в стране с централизованным управлением решающей оказалась ситуация в столице, где у Башара Асада был достаточный уровень поддержки со стороны большинства жителей, как суннитов, так и алавитов⁵. В то же время у оппозиции в Дамаске сил для свержения Асада не хватало, тем более что Асад сразу же предпринял ряд шагов, позволивших расколоть оппозицию и консолидировать определенную часть населения вокруг своего режима или по крайней мере нейтрализовать протестные настроения. Он отправил в отставку правительство, создал комиссию по расследованию гибели людей в Дарья, выпустил на свободу ряд политзаключенных, отменил действовавшее на протяжении многих лет чрезвычайное положение и ввел в состав нового кабинета некоторых представителей оппозиции.

Но радикальная часть оппозиции, действовавшая под лозунгом свержения режима и перехода власти к представителям радикального суннитского большинства, не желала какого-либо примирения с существующей властью. При этом лозунг передачи власти суннитскому большинству не только раскалывал общество по конфессиональному признаку, но и положил начало эскалации деятельности исламистского крыла оппозиции. Положение осложнялось и тем, что значительная часть солдат и офицеров уже к середине 2011 г. дезертировала из армии. В конце июля оппозиционные офицеры объявили о создании Свободной сирийской армии (ССА). Однако это не означало, что все дезертировавшие военнослужащие вошли в состав ССА. Многие из них влились в ряды различных крупных и мелких вооруженных формирований, общее число которых, по мнению ряда арабских, российских и американских экспертов, начиная с 2012 г. достигло 7 тыс.

В марте также произошло восстание курдов в г. Камышлы, которое распространилось на большинство курдских районов. Асаду удалось купировать развитие вооруженной борьбы национального движения курдов против сирийского режима. В начале апреля 2012 г. он принял в Дамаске делегацию курдов из Камышлы, после чего появилось официальное сообщение о предоставлении сирийского гражданства многим из 150 тыс. курдов, сравнительно недавно переселившихся в Сирию, чего они добивались в течение многих лет. С этого времени курды (в подавляющем большинстве сунниты по вероисповеданию, всего более 2 млн человек) перестали быть потенциальной социальной базой оппозиции и больше не поддерживали лозунг передачи власти суннитскому большинству.

Политическое оформление радикальной оппозиции — и это еще одно существенное отличие политического процесса в Сирии от других стран, охваченных «арабской весной», — заметно запаздывало по времени от происходящего на улице.

⁴ В период с февраля по март, по сообщениям арабской печати, в результате действий армии и полиции уже имелись большие потери среди протестующих демонстрантов. — URL: <http://www.asharqalarabi.org.uk/m-w/b-mawakif-562.htm>

⁵ *Алавиты (нусайриты)* — приверженцы религиозной системы, синтезировавшей исламские, христианские и даже доисламские восточные верования («джахилийя»), что, по мнению ряда мусульманских теологов, позволяло считать их стоящими вне ислама.

В ряды оппозиции влились и отдельные крупные политические фигуры, например, Абдель Халим Хаддам, вице-президент Сирии в 1984—2005 гг., или Рияд Хиджаб, который даже в 2012 г., уже в ходе войны, был премьер-министром, но затем на какое-то время стал видной фигурой оппозиции. В июне 2011 г. было объявлено о создании общенациональной оппозиционной организации Сирийский национальный совет (СНС). Реально оформился он 2 октября 2012 г. в Стамбуле. СНС, в состав которого вошли 310 человек, не выдвигал на первый план религиозно-политических целей, представляя разные направления радикальной оппозиции, выступавшей за свержение режима Асада. Вместе с тем он получил поддержку со стороны самой крупной в тот период оппозиционной религиозно-политической силы — «братьев-мусульман».

Уже в начале 2012 г. вооруженная оппозиция стала принимать явную исламистскую окраску. В ней особенно выделялись «Ахрар аш-Шам» и «Лива аль-Ислам» (впоследствии — «Джейш аль-Ислам»). Первая была связана с движением «братьев-мусульман», вторая — ориентировалась на идеологию «ваххабизма». С этого времени региональные игроки стали делать ставку на исламистов: Турция и Катар — на «Ахрар аш-Шам», Саудовская Аравия — на более близкую к ней «Лива аль-Ислам». Между тем Запад по-прежнему продолжал поддержку ССА. Кроме того, появился и ряд других исламистских вооруженных группировок.

Одновременно происходила интернационализация сирийского конфликта. В начале 2012 г. Великобритания и США отозвали своих послов из Дамаска. Появились сообщения о поддержке вооруженной оппозиции и поставке ей вооружений арабскими странами Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравией и Катаром. Что касается Турции, то ее территория фактически превратилась в главную базу снабжения оппозиции, а с конца июня можно говорить о прямом турецком участии в сирийском конфликте.

Середина 2012 г. рассматривалась вооруженной оппозицией и поддерживавшими ее арабскими и западными странами как решительный перелом в их пользу, предвещающий скорый и неминуемый крах существующего режима. Действительно, в июле бои шли уже на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны — Алеппо.

Однако именно в этот период обозначились силы, изменившие характер внутрисирийского конфликта и вскоре поставившие под вопрос всю стратегическую линию действий внешних сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боевых столкновениях является вовсе не ССА, а никому дотоле неизвестная «Джабхат ан-Нусра» (полное название — «Джабхат ан-Нусра ли ахли ш-Шам», что по одной версии перевода означает «Фронт победы народа Леванта», по другой — «Фронт помощи народу Леванта»), на поверку оказавшаяся не чем иным, как организацией «Аль-Каиды» в Сирии и Ливане. Силы этой организации стремительно нарастали, к ней присоединились 12 других группировок исламистской направленности, в том числе такие, как уже известные «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-таухид», «Ахрар ас-Сурийя», «Лива али-ислам», ранее действовавшие под эгидой ССА. А в ходе боев за Алеппо на сторону «Джабхат ан-Нусры» перешла еще и целая бригада ССА.

Таким образом, «Джабхат ан-Нусра» превратилась в доминирующую силу вооруженной оппозиции, являясь одновременно и «зонтичной» организацией, в ряды которой влились практически все основные группировки исламистской оппозиции, а также большое число мелких групп боевиков. В то же время численность ССА таяла прямо на глазах, оппозиционная армия превращалась во второстепенную силу.

Далее произошло следующее. 11 ноября в столице Катара Дохе оформилась Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС). В нее вошел целый ряд оппозиционных групп, в том числе СНС.

Представители «системной» оппозиции и курдские партии отказались участвовать в ней. При НКСРОС был создан Военный совет, куда вошли и представители ССА⁶.

Еще до конца 2012 г. НКСРОС не только фактически, но в определенной степени и юридически была признана рядом арабских и западных государств. Однако «Джабхат ан-Нусра» назвала ее «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран⁷.

В свою очередь отношение западных стран, как и международного содружества в целом, к «Джабхат ан-Нусре» тоже было сформулировано достаточно определенно. Она была признана террористической организацией правительством США в декабре 2012 г., ООН — в мае 2013 г., правительством Австралии — в июне 2013 г., правительством Великобритании — в июле 2013 г.⁸

Отношение региональных сил к этому фронту было не столь однозначным. Представители нефтяных монархий официально не признали его террористической организацией, а неофициально некоторые даже выражали свое несогласие с «наклеиванием на моджахедов ярлыка террористов», по крайней мере до тех пор, пока не стало известно об их одиозных выходках, вроде проявлений каннибализма. Турция официально присоединилась к признанию фронта террористической организацией, однако именно через ее территорию осуществлялась поставка ему вооружения и, что не менее важно, в зону военных действий просачивалось все увеличивающееся число наемников из арабских и других мусульманских стран, а также из стран Запада и республик бывшего СССР, включая Россию.

Что касается событий внутри Сирии, то, во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое — почти до 30 %. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффективных политических мер, о которых уже говорилось выше, существенную роль в этом смысле призван был сыграть и действительно сыграл курдский фактор.

Следует отметить, что курдский вопрос имел здесь двойное значение, поскольку касался не только борьбы с оппозицией, но и сирийско-турецкого противоборства. Для курдов это противоборство в любом случае оборачивалось усилением их позиций и в Сирии, и в Турции. Особенно очевидно это стало в 2012 г. Уже с начала года поддержку режиму оказывала крупнейшая на сирийской территории партия Курдский демократический союз, тесно связанная с турецкой Рабочей партией Курдистана. В июле 2012 г. из большинства районов Сирийского Курдистана были выведены правительственные войска, что открыло путь не только повсеместному формированию курдской администрации (этот процесс подспудно начался еще раньше), но и фактическому установлению безальтернативной курдской власти в этих районах. Иначе говоря, процесс автономизации Курдистана пошел без формального объявления автономии. Таким образом, курдский фактор к началу 2013 г. стал играть существенную роль в том серьезном переломе, который назревал на фронтах гражданской войны.

В конце 2012 и начале 2013 г. произошли крупные столкновения между курдами и исламистами, причем не только в пограничных курдских районах, но и в

⁶ Syrian National Council. — Encyclopaedia Britannica. — <https://www.britanica.com/topic/Syrian-National-Council>; Guide to the Syrian Opposition, BBC, 17 October 2013. — www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218

⁷ CNN: US blacklists al-Nusra Front fighters in Syria, 12 December, 2012. — edition.cnn.com/world/meast/Syria-civil-war/index.html; National Coalition for Syrian Revolutionary and Opposition Forces. FANDOM. MILITARY. — wikia.com/wiki/National_Coalition_for_Syrian_Revolutionary_and_Opposition_Forces

⁸ CNN: US blacklists al-Nusra; UN blacklists Al-Nusra. — Al-Jazeera, 31 May, 2013; Australian Government Lists Anti-Assad Group as Terrorist Organisation. — ABC News, 29 June, 2013; Britain Links Syria's Al-Qaeda-Linked Nusra Front on Terrorism Grounds. — Associated Press, 19 July, 2013.

Алеппо. Зверства «Джабхат ан-Нусры» в отношении мирного курдского населения привели к тому, что курды начали перекрывать пути снабжения боевиков с территории Турции⁹.

Такое изменение соотношения сил сказалось и на значительной части арабского суннитского населения. Более 3 млн сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы Иордании, Турции и Ливана. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызвали растущее негодование.

На этом фоне началось активное наступление сирийской армии на целом ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактического рисунка ее действий — произошел переход от попыток фронтального наступления к концентрированным ударам по скоплению боевиков и использованию паравоенных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо¹⁰.

В юго-западных районах страны на помощь режиму Асада выдвинулись боевые отряды ливанской шиитской организации Хизбалла, имеющие боевой опыт, в том числе в войне против Израиля. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и частично перекрыли пути снабжения исламистских боевиков с территории Ливана. Таким образом, общее положение на фронтах к лету 2013 г. для режима Асада несколько улучшилось, хотя значительная часть страны контролировалась боевиками «Джабхат ан-Нусры». Но это были в основном районы Сирийской пустыни, а в наиболее населенных районах центра, севера и запада страны военно-политическая ситуация постепенно менялась в пользу правительства Асада.

Именно в такой обстановке произошло событие, грозившее новым серьезным поворотом в развитии конфликта. 21 августа в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска¹¹. В его использовании был обвинен режим Асада. 30 августа президент США Б. Обама заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. Началось сосредоточение американских военно-морских сил в Красном и Средиземном морях. Таким образом, возникла реальная опасность интернационализации конфликта по сценарию, близкому к ливийскому. Однако в данном случае реальностью становилась угроза более непосредственного и интенсивного участия в нем США и некоторых из их союзников.

Как известно, такой эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам между В. Путиным и Б. Обамой в сентябре 2013 г., в результате чего появилась возможность разблокировать ситуацию путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации сирийского химического оружия. Однако, несмотря на то, что наиболее опасное развитие конфликта было предотвращено, в 2013 г. стало очевидно, что внутрисирийский конфликт приобретает масштабный региональный характер.

На стороне оппозиции воевало все возрастающее количество добровольцев (иными словами, наемников) из арабских и других мусульманских стран, а также мусульман из стран Запада и СНГ, включая Россию. Уже в 2013 г. такие добровольцы исчислялись тысячами. Они пользовались военной и финансовой поддержкой

⁹ Лялько Л. Автономия курдов — изящный ход Асада? — Pravda.ru//www.pravda.ru/world/asia/middleeast/13-11-201/1182052-asad-0/. Статья опубликована 13 ноября 2013 г.

¹⁰ Эль-Мюрид А. Как Сирия прошла 2013 год. — ИТАР-ТАСС. — <http://itar-tass.com/opinions/1944>. Статья опубликована 27 декабря 2013 г.

¹¹ Проблема применения химического оружия в Сирии. — ИТАР-ТАСС, 21 августа 2013 г. — itar-tass/mezhdunarodnaya-panorama/664000

общественных фондов и финансовых кругов ряда нефтедобывающих стран Персидского залива.

Во второй половине 2013 г. на сирийском театре военных действий, помимо чисто сирийской по своему происхождению (имеется в виду, что она создалась на базе сирийского отделения «Аль-Каиды») «Джабхат ан-Нусры», появились боевики организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), ранее действовавшей в основном в иракской провинции аль-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака. Эта организация, созданная на базе иракского отделения «Аль-Каиды», теперь проявила себя как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух национальных государств. Есть точка зрения, что сама «Ан-Нусра» сначала была отделением ИГИЛ, но потом их пути разошлись. Соперничество между ИГИЛ и «Ан-Нусра» вылилось в ожесточенные военные столкновения с тысячами убитых.

Поскольку подобная деятельность с точки зрения алавитов и шиитов выражала суннитский экстремизм и имела антишиитский оттенок, в ответ в регионе начала формироваться противостоявшая ей шиитская ось. В вооруженную борьбу на стороне сирийского режима с первых месяцев 2013 г. вступили боевые отряды Хизбаллы. В том же году из Ирана в Сирию на помощь режиму Асада стали прибывать бойцы Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Кроме того, на стороне правительства Асада сражались боевые отряды иракского шиитского ополчения¹².

Таким образом, в регионе в рамках вооруженного противостояния сложились две противоборствующие политико-конфессиональные оси — суннитская и шиитская, и это противостояние затронуло интересы практически всех расположенных в нем государств. Возникла потенциальная угроза тотального распространения конфликта.

На рубеже 2013—2014 гг., казалось, усиливалось противостояние этих двух политико-конфессиональных группировок, причем с перевесом в пользу шиитской. О том же вроде бы свидетельствовали и события первых месяцев 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ ослабляли общий потенциал суннитских джихадистов Сирии и позволяли сирийским правительственным войскам укреплять свои позиции. Успех ИГИЛ в противостоянии с его радикальными конкурентами был на руку и сирийскому, и иракскому режиму, тем более что руководство «Аль-Каиды» в лице Аймана аз-Завахири выразило однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусре», признав ее в качестве своего единственного легитимного филиала в Сирии и одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При координации усилий между руководством Сирии и Ирака можно было создать условия для нанесения совместного удара прежде всего по ИГИЛ, что позволило бы достигнуть стратегического перевеса в противостоянии с радикальными исламистами в обеих странах. Однако в начале лета ситуация неожиданно и очень стремительно начала меняться не только для местных и региональных сил, но и для глобальных центров, прямо или косвенно задействованных в этом уже региональном конфликте. Дело в том, что обширные территории, захваченные ИГИЛ на территории Ирака и Сирии, позволили группировке объявить себя «государством». 29 июня вместо прежнего ИГИЛ было провозглашено создание «Исламского государства» (ИГ) (уже без территориальной привязки), претендовавшего на всемирный халифат.

Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусрой» (разумеется, не окончательная и неполная, но такой цели, очевидно, и не ставилось) объясняется, на наш взгляд, двумя причинами, на которые поначалу практически никто не обратил внимания. Первая состоит в том, что эта группировка объявила себя государством изначально,

¹² См.: Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2018, с. 540, 554—555, 558.

причем государством юнионистским, к тому же реально действующим на территориях обоих государств, заявленных в ее названии, — Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, казалось, был уже близок к реальному воплощению, так и юнионистов, чьи идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте.

Вторая причина — более качественное военное руководство и планирование деятельности ИГИЛ, осуществлявшееся кадровыми офицерами бывшей саддамовской армии, выброшенными новыми властями из профессиональной среды, но имеющими серьезную подготовку, которую многие из них получили в советских/российских военных училищах.

ИРАКСКИЙ ТЕАТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Ситуация в Ираке требует хотя бы схематического анализа событий, происшедших в этой стране с 2003 г.

20 марта 2003 г. началось вторжение в Ирак сил руководимой США коалиции. К 1 мая операция по свержению режима Саддама Хусейна была завершена, однако это не означало окончания войны, поскольку, несмотря на слом государственной военной машины Ирака и ликвидацию правительственных структур, сопротивление оккупации продолжалось гораздо дольше.

До начала оккупации Ирака подразделений «Аль-Каиды» там не было, отмечались лишь отдельные попытки их проникновения в страну, безуспешно подавлявшиеся баасистским (правящей партией аль-Баас) режимом Саддама Хусейна. Но с приходом американских войск они там тоже появились, причем на начальной фазе операции активно боролись как против войск коалиции, так и против структур иракского режима. Войскам коалиции приходилось вести борьбу на два фронта — против партизанского движения иракских суннитов, организованного главным образом остатками баасистских структур, и против бойцов «Аль-Каиды». Задача облегчалась тем, что, как уже отмечалось, между этими двумя структурами сопротивления продолжалась открытая вражда, однако отряды «Аль-Каиды» постоянно пополнялись за счет прибывавших арабов-суннитов из других стран.

Превращение Ирака в арену борьбы оккупационных войск с баасистскими структурами и «Аль-Каидой» серьезнейшим образом отражалось на положении местного населения: иностранная оккупация усугублялась многочисленными жертвами среди мирных жителей. Дело осложнялось еще и тем, что внутренние противоречия, которые прежде жестко подавлялись рухнувшим режимом, теперь обозначились со всей очевидностью.

Этноконфессиональная вражда, пребывавшая ранее в латентном состоянии, вырвалась наружу, с той, однако, разницей, что слабой стороной в этом противостоянии теперь стали не курды и не шииты, а иракские арабы-сунниты (примерно четверть населения), среди которых всегда выделялась прослойка наиболее образованного, интеллектуально развитого и секуляризованного населения.

Сунниты-арабы политически превращались из первой в третью силу политического спектра, что было видно и по составу парламента, и по перечню первых лиц страны. Дело шло к тому, что они превратятся в третью социально-политическую силу и в чисто физическом выражении, уступив второе место курдам. Этот процесс имеет и территориальный аспект. Общим результатом этноконфессионального противостояния становится заметное сужение и без того ограниченного ареала проживания арабов-суннитов как к северу, так и к югу от центра Ирака.

К 2006 г. организационные структуры баасистского режима были полностью демонтированы, включая и бывшую правящую партию, а на политической арене в течение нескольких лет основные позиции уже занимали совершенно иные поли-

тические силы. Временный управляющий совет Ирака в 2004 г. принял временную конституцию страны. Текст документа в основном был составлен американскими правоведами и потому содержал положения, базировавшиеся на принципах, почерпнутых из западных политических систем, и практически не отражал арабских реалий. Помимо временной конституции, одним из важнейших юридических актов был Закон о дебаасизации¹³.

Идея данного документа родилась в недрах Пентагона. И сама эта идея, и многие положения его текста были позаимствованы из закона о денацификации Германии и поддержаны в Ираке как шиитами, так и курдами, и вообще всеми основными фракциями бывшей иракской оппозиции, включая ее светскую часть. В соответствии с этим законом была осуществлена широкомасштабная чистка государственного аппарата, местных администраций и силовых структур. Бывшим функционерам и рядовым членам партии аль-Баас отныне запрещалось занимать правительственные и административные посты, любые должности в армии и других силовых структурах.

В 2011 г. главным событием стало, пожалуй, завершение вывода из Ирака войск коалиции, прежде всего американских. Вывод был завершён раньше намеченного срока, что объяснялось как обещанием, которое дал президент США Обама в ходе своей предвыборной кампании, так и позицией иракского правительства, также настаивавшего на скорейшем выводе иностранных войск.

Вывод войск происходил в далеко не простой политической обстановке, связанной с волнениями «арабской весны», охватившей большинство арабских стран. В конце 2011 г. ситуация осложнилась и в самом Ираке. В Багдаде, Мосуле, Киркуке и некоторых провинциях страны был совершен ряд террористических актов. В 2012 г., хотя наблюдатели отмечали относительное улучшение обстановки, террористические акты sporadически происходили в различных районах страны. Новое обострение ситуации в Ираке было связано с созданием в 2013 г. организации «Исламское государство Ирака и Леванта». Руководителем ИГИЛ с 2010 г. является Абу Бакр аль-Багдади. В ее рядах впервые смогли объединиться структуры «Аль-Каиды» в Ираке с отрядами баасистского подполья, к которым к тому времени примкнули выпущенные из тюрем офицеры баасистской Национальной гвардии и армии свергнутого режима. Вскоре после создания ИГИЛ в 2013 г. произошло взаимное размежевание между ним и «Аль-Каидой». ИГИЛ, как говорилось выше, начал осуществлять свои операции уже и на территории Сирии.

Одной из первых операций ИГИЛ на территории Ирака стало его участие в антиправительственном восстании суннитов в провинции аль-Анбар в конце 2013 г. К началу лета 2014 г. боевые операции ИГИЛ в Ираке приняли полномасштабный характер. Тогда же ИГИЛ стал просто «Исламским государством». Однако это название группировки и территории, захваченной ею и превращенной в квазигосударство, не признавалось ни мировым сообществом, ни мусульманскими странами. Ее по-прежнему называли ИГИЛ либо использовали арабскую аббревиатуру ДАИШ (Ад-Дауля аль-исламийя фи ль Ирак ва аш-Шам).

Группировка развязала боевые действия уже не только в западных, но и в северных и центральных районах страны. 10 июня 2014 г. боевики ИГИЛ захватили крупнейший город на севере Ирака Мосул, 11 июня — Тикрит, а спустя несколько дней вплотную подошли к Багдаду. Опасность, угрожавшая иракской столице, приобретала вполне реальные очертания. Однако военное руководство ИГИЛ сменило главное направление своих действий, переместив его на территорию Сирии. В августе 2014 г. отряды ИГИЛ захватили курдский город Синджар, расположенный в провинции Нейнава, в относительной близости от Мосула. Битва за Син-

¹³ Закон был принят в мае 2003 г. при временной администрации П. Бремера. В соответствии с ним была создана комиссия по дебаасизации. Ее возглавил А. Чалаби, а его заместителем стал Нури аль-Малики, один из лидеров партии Исламский призыв, который, будучи до этого в эмиграции в Сирии, тайно вернулся в Ирак еще в 2002 г.

джар продолжалась более года. С иракской стороны в ней участвовали в основном силы пешмерга — вооруженные силы Иракского Курдистана, поддержанные с воздуха авиацией США и Ирака.

В итоге к концу 2014 г. под контролем ИГИЛ оказались значительные территории Сирии и Ирака, на которых был установлен жесткий репрессивный режим. Массовые казни, превращаемые в медиашоу, пытки и избиения за малейшие нарушения установленных самозванными властями порядков стали повседневной жизнью этого квазигосударства. Массовым истреблениям подвергались курды, христиане, представители других этнических и конфессиональных групп. Между тем на территории, подконтрольную ИГ, начали стекаться тысячи радикальных исламистов, зомбированных пропагандой игиловцев, или просто искатели приключений со всего мира, включая РФ и другие страны бывшего СССР. К концу 2014 г. ИГИЛ контролировало не менее 40 % территории Ирака и большую часть территории Сирии. Ему удалось также завладеть значительными финансовыми и экономическими ресурсами в обеих странах. Захват национального банка в Мосуле с его авуарами, которые оценивались от 500 млн до 2 млрд долл., нефтяных и газовых месторождений, плодородных земель и культурных ценностей создавал солидную экономическую базу для существования этого исламистского квазигосударства, построенного на принципах халифата. Кроме того, на захваченных землях ИГИЛ удалось создать базу для постоянного налогообложения, а также заложить определенные основы государственного аппарата, в чем серьезную роль сыграли бывшие чиновники и офицеры армии Саддама Хуссейна¹⁴.

Военные действия ИГ и жестокие поражения иракской регулярной армии, приведшие к почти полному ее разгрому, повлекли за собой изменения в руководстве страны. Нури аль-Малики был смещен с поста премьер-министра и 11 августа 2014 г. ушел в отставку. Его сменил Хайдер аль-Абади, также представляющий шиитскую общину.

ИЗМЕНЕНИЕ ДИНАМИКИ, СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ КОНФЛИКТА С 2015 г.

В 2015 г. произошел целый ряд событий, которые внесли существенные изменения в ход и содержание сирийского и иракского многостороннего противостояния. Перечислим основные из них:

— быстрое продвижение ИГИЛ по территории Сирии, захват им Пальмиры и основных нефтегазовых структур страны, выход отрядов «Исламского государства» в пригороды Дамаска, критическое положение правительства Асада;

— ввод воздушно-космических сил (ВКС) России в Сирию по просьбе сирийского правительства, резкое обострение российско-турецких отношений после уничтожения Турцией российского самолета;

— существенные поражения вооруженных сил ИГИЛ;

— превращение курдских военно-политических организаций в один из важнейших факторов противостояния ИГИЛ, укрепление элементов фактической курдской автономии на севере и северо-востоке Сирии;

— изменение военно-политической ситуации в Ираке в пользу официальной власти и союзных с ней сил;

— начало массовой миграции сирийских и других беженцев в Европу с территории Турции.

Вмешательство России в сирийский конфликт решающим образом предопределило дальнейшее развитие событий не только в этой стране, но в значительной степени и на Ближнем Востоке. Вступление ВКС РФ 30 сентября 2015 г. в военные действия в Сирии в поддержку сирийского президента и армии привело к

¹⁴ См. *Тарасевич Е. А.* Исламское возрождение иракской партии «БААС». — Арабский кризис. Угрозы большой войны. Под общ. ред. А. М. Васильева. М., 2015, с. 30–47.

перелому в ходе военных действий. Это стало особенно ощутимо, когда весной 2016 г. была освобождена (затем потеряна и снова освобождена) Пальмира, а в декабре полностью освобожден от боевиков второй по значению город страны Алеппо. В результате воздушных и ракетных ударов были существенно подорваны военная и экономическая структура ИГИЛ (по данным Минобороны России, поступления от продажи нефти и нефтепродуктов ИГИЛ за время операции сократились до 200 млн долл.), а также боевые возможности других террористических групп. Территория, контролируемая ИГИЛ, неуклонно сокращалась. Уже к началу 2017 г. «Исламское государство» было полностью оттеснено от границ с Турцией, а на юге почти целиком изолировано от границ с Иорданией, оказавшись запертым в зоне сирийско-иракской границы. Это до минимума сократило возможности дальнейшего поступления материальных, а главное — человеческих ресурсов на его территорию. В конце 2017 г. стремительное наступление сирийской армии при поддержке ВКС РФ на Дейр эз-Зор привело к практическому разгрому военных структур ИГИЛ на территории к западу от Евфрата.

Крупным внешнеполитическим и военно-дипломатическим успехом России в Сирии, который кажется невероятным в свете 300-летней истории ее драматических взаимоотношений с Турцией и Ираном, явилось вовлечение этих двух наиболее влиятельных в данном регионе игроков в разрешение конфронтации в Сирии, в борьбу с экстремистскими группировками вроде ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусры». В обоих случаях имели место парадоксальные — с учетом исторических условий и современных обстоятельств — перемены как во внутренней, так и во внешней политике и того, и другого государства. Так, Иран, страна, где политический ислам в результате исламской революции 1979 г. впервые в новейшей истории триумфально вошел во властные структуры, выступил в качестве одного из главных защитников светского режима в Сирии. Страна, которую многие специалисты связывают с понятием «исламизм», где религиозные институты прямо вписаны в политическую систему, причем играют главные роли, сегодня в качестве своих основных противников в регионе рассматривает большинство радикальных исламистских группировок — от «братьев-мусульман» и «ваххабитов» до «Аль-Каиды» и ИГИЛ. И, наконец, эта страна, имевшая печальные страницы взаимоотношений с северным соседом, ныне оказывается в числе наиболее важных и дружественных политических партнеров России не только в регионе, но и за его пределами.

Ирано-сирийское сотрудничество укреплялось и до событий «арабской весны». Но, учитывая, что в Сирии, как и в Ираке, вооруженная оппозиция принимала все более джихадистский, суннитский характер, Иран пошел на широкую, в том числе военную, помощь правительству Башара Асада. Тем самым Иран обозначил себя как враждебная сила по отношению ко всем радикальным суннитским организациям, особенно если учесть, что он вовлек в борьбу на стороне сирийского режима шиитские отряды из Ирака, Афганистана и Пакистана.

В рамках этих государственных интересов, разумеется, все яснее вырисовывалось значение сотрудничества шиитов в Ираке, Ливане, Афганистане, Пакистане и Йемене.

Что касается Турции, то ее позиции ослабели. Из-за уничтожения военного самолета РФ над территорией Сирии российско-турецкие отношения оказались на грани конфликта. Период обострения отношений с Россией продолжался почти год. Он сопровождался охлаждением отношений и с союзниками по НАТО: с США — из-за разногласий по поводу поддержки американцами сирийских курдов, с ЕС — из-за массовой эмиграции в Европу с территории Турции сирийцев, множества беженцев из других ближневосточных стран, а также из Афганистана и Пакистана. В Турции нарастал и внутренний кризис, вызванный противостоянием государства и специфической религиозно-политической организации «Хизмет» во главе с Ф. Гюленом.

Попытка военного переворота в июле 2016 г., в ходе которого планировалась физическая ликвидация Р. Эрдогана, по сообщениям ряда СМИ, якобы была предотвращена благодаря телефонному звонку президента Путина фактически уже приговоренному турецкому лидеру. Это существенно повлияло на характер отношений обоих глав государств. Вдобавок незадолго до этого президенту Турции удалось погасить конфликт с Россией из-за сбитого самолета. Поддержка Россией и Ираном легитимного турецкого правительства способствовала серьезному повороту как в двусторонних, так и в трехсторонних отношениях.

Возвращаясь к сирийскому театру военных действий, следует отметить, что существенные успехи были достигнуты и в противостоянии с другими оппозиционными, прежде всего террористическими, силами. После победы в Алеппо и здесь определился перелом. К концу 2017 г. антиправительственные силы были практически заперты в основном в четырех анклавах: 1) в самом большом, в провинции Идлиб, где под контролем оппозиции находилась вся провинция с небольшими вкраплениями из провинций Алеппо и Хама; 2) в совсем крохотном анклав, в провинции Хомс, к северу от ее центра; 3) в небольшом анклав, в оазисе Восточная Гута, в пригороде Дамаска и 4) более значительном по размерам анклав на юге, в провинциях Дарья и Сувейда. Во всех этих анклавах происходило военное противостояние между различными группировками оппозиции, прежде всего теми, которые противостояли «Джабхат ан-Нусре», а в некоторых случаях — ИГИЛ. Это давало надежду на разъединение поддерживаемой западной коалицией «умеренной» оппозиции с основными террористическими группами путем окончательного внутреннего размежевания.

В данном контексте наиболее важным по своим последствиям представляется прорыв, который произошел на переговорах, организованных Россией при содействии Казахстана в Астане в мае 2017 г. Свою поддержку им в той или иной степени выразили иранское и турецкое руководства. В них помимо делегации правительства Сирии приняли участие представители примерно 30 крупных оппозиционных боевых групп, составляющих «здоровую», «умеренную» часть повстанческого сопротивления. ИГИЛ и «Ан-Нусра», естественно, там отсутствовали. По итогам переговоров были созданы зоны деэскалации конфликта в перечисленных выше анклавах под контролем стран-гарантов — России, Турции и Ирана. Таким образом, окруженные полностью или частично сирийскими правительственными войсками эти анклавы становились в военном и политическом отношении зонами, подконтрольными процессу политического урегулирования. Но борьба с террористическими организациями продолжалась.

Конфигурация взаимоотношений трех стран в сирийском конфликте изменилась, хотя их интересы в нем, разумеется, по-прежнему не совпадали. Россия и Иран продолжали поддерживать сирийский режим, а Турция — оппозицию. Тем не менее появилась возможность согласовывать позиции, руководствуясь общей целью мирного урегулирования. В соответствии с ней Турция пошла на военную конфронтацию с ИГИЛ и «Ан-Нусрой», что отнюдь не отменяло ее собственных интересов, ее враждебного отношения к военным структурам курдского движения, в свою очередь опиравшимся на поддержку США. Это определило реальную ситуацию на финальной стадии освобождения Алеппо. Турция, начав операцию «Щит Евфрата» и ликвидировав в ходе ее единственный участок соединения ИГИЛ со своей границей, в то же время не позволила курдским анклавам соединиться на севере провинции Алеппо. Для этого ей пришлось оккупировать часть сирийской территории.

В дальнейшем Россия, Иран и Турция вместе выступали за урегулирование сирийского конфликта, чему и должен был служить астанинский процесс. Ценность его в том, что в отличие от женеvских переговоров за одним столом с представителями сирийского режима сидела не заграничная оппозиция, часто не имевшая реальной социальной базы внутри страны, а те, за кем стояли боевые отряды. Кроме

того, астанинский процесс способствовал практическому отделению «умеренной» оппозиции от террористов в зонах деэскалации. Сирийской армии удалось взять под контроль пригороды Дамаска и Хомса, консолидировать свой контроль над центральной, заселенной частью страны.

В конечном счете региональный конфликт на Ближнем Востоке в его военной фазе, по крайней мере в Сирии, в основном завершился. Разгром военных структур ИГИЛ и — частично — «Джабхат ан-Нусры», достижение пока еще хрупкого мира — главные тому свидетельства. Достигнуты и серьезные результаты в сближении — политическом, гуманитарном, человеческом — трех основных вершителей успеха в Сирии: России, Турции, Ирана. Но удалось ли сокрушить идею создания исламского халифата, хотя бы в этой части арабского мира? Без решения этой проблемы, а она, очевидно, потребует длительной, кропотливой работы, конфессиональный и политический конфликт будет тлеть. А значит, сохранится среда, порождающая конфронтации и террористические выпады джихадистов как на Ближнем Востоке, так и в других регионах мира. И к борьбе с этим злом надо быть готовыми.

Мы сосредоточились на гранях сирийского конфликта, определенных как местными акторами, включая Турцию и Иран, так и Россией. Но картина будет неполной без анализа позиций США и стран Евросоюза, что требует написания еще одной статьи.